

ГОВОРЯТ, что пресса не оказала должного внимания режиссеру «из пророческих уст», прозвучавшим в фильме «Александр Солженицын».

Прислушались к общественно-политическим суждениям Солженицына необходимо. Это мысли широко эрудированного историко-графа, чей жизненный путь вместил все переломные моменты истории России середины и конца двадцатого века. Но давайте все-таки без умильных восторгов. Ведь над Россией стон стоит от криков «Аллилуйя!» вперемешку с криками «Долой!» Чего не хватает, так это спокойного и трезвого анализа.

Что выбрать в качестве меры истины в столь нелегких вопросах? Истина конкретна, сказал великий философ. Это значит, что надо видеть вещи такими, как они есть, то есть в развитии и взаимосвязи. Надо ясно определять, какой конкретный смысл вложен в каждое понятие, а рекомендации выводить из реального хода событий, а не из абстрактных идей. С тем и будем вчитываться и вслушиваться в размышления А. Солженицына.

Естественно, что мысль писателя направлена на важнейшие проблемы — стратегия экономического возрождения и национально-государственное устройство России. В своей известной статье он пишет: «Источник силы или бессилия общества —

духовный уровень жизни, а уж потом — уровень промышленности. И теперь он говорит: «Если совесть не проснется, никакая экономика нас не спасет».

Что понимать под экономикой, коль скоро мы вознамерились соотносить ее с нравственностью? Заводы, склады товаров, слитки золота в банковских сейфах? Нет, отношения между людьми, складывающиеся в процессах производства и товарообмена. Определяя экономику таким образом, мы отнюдь не отбрасываем заводы и товары, поскольку они существенно влияют на отношения, но и не сводим экономику к ним одним. Теперь скажите: нерушимое купеческое слово — это совесть или экономика? Конечно, совесть, но купец, нарушающий слово, обречен на разорение. Добросовестность, вежливость зарубежных продавцов, воровство и хамство наших — это нравственность или экономика? О каком же примате совести нам толкуют, если до включения людей в экономические отношения ей просто негде проявиться, если нравственность и совесть суть (прошу прощения за плагиат), «концентрированное выражение экономики»?

К тому же значение совести в жизни общества понятно всем простым смертным и без пророков. Другое дело — указать, как разбудить ее. Увещевать? Стращать наказанием за грехи? Обличать в искусстве? Ужесточать уголовный кодекс? «Все усилия моралистов тщетны», — говорят материалисты. — Надо установить такой порядок производства и товарообмена, при котором быть бессовестным — себе дороже».

Вековой опыт всех цивилизованных стран доказал правоту

материалистов. В одной стране все же попытались искоренить принцип прямой выгоды от добросовестности в труде и стали воспитывать «коммунистическую сознательность» (читай—совесть). Мобилизовали на это все: систему образования, искусство, прессу. Как протекал и чем закончился сей эксперимент, мы знаем. А корень всех бед — в отказе от принципа материалистов: совесть должна быть экономически выгодной.

Удивительно! Вопреки всему мировому опыту, все еще живы прекраснотушнейшие дон-кихотские идеи — сначала сделать людей нравственными, а уж потом их силами создавать здоровую экономику.

Отдадим должное Александру Исаевичу: предсказанный им распад «Советского Социалистического» произошел. И возникла проблема беженцев и перемещенных лиц. Но как же далеки реальные события от предложенного им сценария! Ставшие независимыми республики очень скоро почувствовали объективную необходимость единения, что проявляется и в межреспубликанских договорах, и в укреплении единых для всего СНГ структур. Да и вакханалия национализма наверняка уляжется, и беженцы, будем надеяться, потянутся к своим очагам.

Солженицын, напротив, всячески подчеркивает необходимость разведения с пересмотром границ, «разземкой народных хозяйств», переселением миллионов людей разных национальностей. Он призывает распрямиться от давящего груза «среднеазиатского подбрюшья» (слова-то какие!)

И ради чего надо идти на эти политические и экономические трудности? «Не к широте Державы мы должны стремиться, а

к ясности нашего духа в остатке ее».

Изменилась ли позиция Солженицына за два года после написания той статьи? Мы услышали с экрана телевизора, что теперь он допускает мысль о присоединении к союзу Беларуси, России и Украины еще и Казахстана. Но по какой причине? Потому что там живет много русских. Словом, россы всех республик, соединяйтесь!

Солженицын настаивает на том, что российскому обществу не прожить без общей, глубоко демократической и глубоко российской идеи. Очевидно, писатель озабочен ее поисками. Неужели он думает, что такой идеей может стать абстракция типа загадочной, почти мистической «ясности нашего духа»? Нет, идея эта должна отвечать жизненным потребностям людей и быть понятной даже ребенку. И она — глубоко демократическая, глубоко российская идея — давно сформулирована: «Мир — народам! Земля — крестьянам! Фабрики — рабочим!» Вам не нравятся авторы? Допустим. А идея глубинная и формулировка чеканная. Не говоря об актуальности для многонациональной, опытной суверенизации России.

Бесспорно: возвращение Солженицына станет весьма значительным событием. Им будет подведена черта под целой эпохой, когда лучшие умы России подавлялись и изгонялись ради торжества бездуховности. Но надо ли представлять это событие как чуть ли не мессианское второе пришествие? Пойдет ли это на пользу нашему общественному движению, да и самому писателю?

Сергей ПЕРУАНСКИЙ.
Народный депутат России.

Правда. — 1992 — 2 окт. С чем вернется Солженицын?